

ИСТОРИЯ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА

ПРОТЕСТ ПРОТИВ СУДЕБНЫХ ПОШЛИН (О ВЕЛИКОЙ ПАГУБНОСТИ ФИСКАЛЬНЫХ СБОРОВ, ОГРАНИЧИВАЮЩИХ ДОСТУП К ПРАВОСУДИЮ)*

И. БЕНТАМ
(1748–1832)

A PROTEST AGAINST LAW TAXES (SHOWING THE PECULIAR MISCHIEVOUSNESS OF ALL SUCH IMPOSITIONS AS ADD TO THE EXPENSE OF AN APPEAL TO JUSTICE)

J. BENTHAM
(1748–1832)

Предисловие переводчика: Худшие из налогов

Для И. Бентама поводом написать статью о налогах на правосудие послужило предложение повысить судебные пошлины в современных ему Англии и Ирландии. Для меня поводом впервые перевести на русский язык его труд стало состоявшееся повышение судебных пошлин в России. Эти события разделяют 230 лет. С конца XVIII в., конечно, многое в механизме этого сбора изменилось. Но главное, против чего протестовал английский мыслитель, осталось: финансисты и сегодня банально рассматривают судебные пошлины как еще один источник пополнения бюджета. Они далеки от «правовых сентенций», если те ведут к сни-

* *Bentham J. A Protest Against Law Taxes. Showing the Peculiar Mischievousness of All Such Impositions as Add to the Expense of an Appeal to Justice.* Статья была написана в 1793 г. и впервые опубликована в 1795 г.

Перевод на русский язык осуществлен С.Г. Пепеляевым, кандидатом юридических наук, доцентом кафедры финансового права юридического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, управляющим партнером «Пепеляев Групп», адвокатом.

жению поступлений в казну. В их руках судебные пошлины легко становятся для сторон судебных разбирательств налогом на правосудие в прямом смысле.

Суммы судебных пошлин в результате поправок 2024 г.¹ возросли драматически. По ряду позиций пошлины выросли в 50 раз, их максимальный размер по имущественным спорам в арбитражных судах составил 10 млн руб. вместо прежних 200 тыс. руб. Введены новые пошлины за действия, ранее не облагаемые. В среднем бизнесу надо заложить в бюджеты увеличение расходов на судебные пошлины в 10 раз².

Деятельность судов и размер судебных издержек никак нельзя назвать частным делом только тех, кто прибегает к судебной защите. Классик российского финансового права академик И.И. Янжул отмечал, что «хорошие судебные учреждения приносят пользу не только тем, кто выигрывает в них процессы, но не меньшую также и тем, кто вследствие общей обеспеченности прав имеет счастье никогда не входить в непосредственное соприкосновение с судами ни как истец, ни как ответчик, такое учреждение приносит одинаковую пользу всем остальным гражданам, не пользующимся непосредственно его услугами, и потому значительной частью должно содержаться за счет общих налогов»³.

Да и Конституция России относит правосудие к основным конституционным правам граждан. Поскольку пошлины независимо от размера служат фискальным барьером доступности этого права, то любые изменения надо тщательно и в должной процедуре обсуждать.

Идея радикально увеличить судебные пошлины в целях повышения барьера для доступа в суд была озвучена ВС РФ в 2017 г. Она вызвала вал острой критики⁴, и в итоге законопроект, звучно названный ВС РФ «процессуальной революцией», был внесен им без поправок о пошлинах⁵. Председатель ВС РФ пояснил, что подобная инициатива должна исходить от Правительства, а не от ВС РФ, поскольку предлагать меры, потенциально ограничивающие доступ к правосудию, могут Минфин, ФНС или другие правительственные органы, но не сама судебная власть⁶.

¹ Закон РФ от 8 августа 2024 г. № 259-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации о налогах и сборах».

² Воробьев Ю. Увеличение размеров государственных пошлин в судах // <https://www.pgplaw.ru/>; Литовцева Ю. Новые правила оплаты государственных пошлин в банкротстве // <https://www.pgplaw.ru/>.

³ Янжул И.И. Основные начала финансовой науки: учение о государственных доходах. М., 2002. С. 510.

⁴ См., в частности: Тай Ю.В. Смех сквозь слезы // https://zakon.ru/blog/2017/09/28/speh_skvoz_slezy.

⁵ https://zakon.ru/discussion/2017/10/03/reforme_processa_dali_hod_plenum_vs_odobril_masshtabnye_popravki_v_processualnye_kodeksy_bez_diskus

⁶ Лебедев снял с повестки Пленума увеличение судебных пошлин // <https://pravo.ru/news/view/144829/>.

Но идея повышения пошлин продолжала культивироваться. Секретарь Пленума ВС РФ Виктор Момотов в 2018 г. заявлял с долей бюрократического снобизма, что «размер судебных пошлин, взимаемых с истцов, «несправедливо низок» – и это превращает суд в «практически бесплатный инструмент разрешения коммерческих споров»¹, а смягчить негативные последствия увеличения госпошлин можно рассрочкой ее уплаты, легализацией «гонорара успеха», взысканием полной суммы судебных расходов»².

Повышение судебной пошлины в 2024 г. – это реализация отложенной инициативы ВС РФ руками Правительства, остро заинтересованного в наполнении бюджета. Учитывая опыт 2017 г., политтехнологи позаботились о том, чтобы для выступлений против законопроекта не осталось времени.

Законопроект о поправках в НК РФ был внесен в Госдуму в марте 2024 г., и в его первоначальной редакции не говорилось ничего о судебных пошлинах. В тексте, подготовленном ко второму чтению и опубликованном 8 июля, обнаружился разработанный Правительством РФ масштабный блок поправок о многократном увеличении пошлин. Уже 23 июля, т.е. спустя две недели, законопроект был принят Госдумой сразу в двух чтениях, за неделю рассмотрен и одобрен Советом Федерации и уже 8 августа подписан Президентом РФ. На все про все ровно месяц.

Никакого реального обсуждения в деловом и экспертном сообществах не велось, все ограничилось ритуальным парламентским славословием. Хотя результаты думского голосования показывают, что вопросов к принятым поправкам осталось много: за закон проголосовали 313 депутатов, 92 – против. Зачем нужна была эта спешка с явной целью избежать общественного обсуждения? Ответ кажется очевидным: когда фискальные задачи основные, не до «мелочей и нюансов».

«Рекламная кампания» принятых поправок продолжилась и после «специальной операции» по их продвижению. Рассмотрим основные блоки агитационных аргументов.

Ключевой довод – об инфляционном снижении роли судебных пошлин в финансировании расходов бюджета на судебную систему. По данным Минфина России, в современный период их доля составляет 5% (15 млрд руб. в год) от общей суммы расходов на содержание судов (ежегодно 300 млрд руб.). В 2015 г. было 8%. Постепенное снижение происходит из-за того, что ставки судебных пошлин не индексировались на протяжении последних 15 лет. Заместитель министра финансов РФ Алексей Сазанов утверждает, что нынешняя «индексация

¹ Глава Совета судей: госпошлины за подачу иска нужно повысить // <https://pravo.ru/news/201201/>.

² Повышение госпошлины, смягченное «гонораром успеха». В Верховном суде рассуждают, как улучшить финансирование судебной системы // https://zakon.ru/discussion/2018/07/05/povyshenie_gosposhliny_smyagchennoe_gonorarom_uspeha__v_vs_rassuzhdayut_kak_uluchshit_finansirovanie.

госпошлин позволит вывести уровень софинансирования расходов на судебную систему к тому, который был в 2014–2015 г., – не более того»¹.

Не станем сейчас погружаться в дебри бюджетной статистики, но было бы неплохо понимать широкую практику «софинансирования» расходов на судебную систему, в частности является ли предложенный уровень 8% эталонным. И как так получилось, что при росте затрат на содержание судебной системы в два раза за период 2014–2024 гг. потребовалась индексация пошлин в среднем в 10 раз?

Минфин, таким образом, намерен собирать ежегодно дополнительные 9 млрд руб., а то и намного больше. Кто будет донорами? Официальный ответ на этот вопрос опирается на тот же набор агитационных аргументов, который эксплуатировался, когда принималась прогрессивная шкала НДФЛ: «Необеспеченные граждане по небольшим суммам исков будут платить небольшую пошлину, а богатые будут вынуждены нести больший расход, что соответствует критерию справедливости»². У всех есть равное право на судебную защиту, но оно, по мнению ВС РФ, состоит не в равных суммах пошлин, а в равных процентных ставках. К тому же по мере увеличения суммы иска ставки уменьшаются (дегрессия), а исчисленная пошлина не может превышать установленный потолок. В этом усматриваются две составляющие справедливости: уравнивающая и дистрибутивная (распределительная)³.

Эти аргументы нужно оспорить. Подход к установлению ставок пошлин не может быть фискальным: есть возможность – плати. В науке финансового права уже столетие признано, что если налог должен быть соразмерен экономическим возможностям налогоплательщика, то в отношении сборов (пошлин) учет платежеспособности лица не может быть определяющим, так как ведет к нарушению принципа равенства, является несправедливым. Здесь действует принцип эквивалентности (компенсационности), который означает, что за равные услуги должны взиматься равные платежи. В сопоставимых ситуациях должна быть одинаковая пошлина⁴.

Сумма иска не предопределяет сложности спора и прямо не влияет на объем судейского труда. В практических целях установления пошлин на сложность дела ориентироваться, конечно, нельзя. Но вполне закономерно поставить вопрос о стоимости проведения судебного разбирательства. Во что обходится бюджету рассмотрение судом одного среднего дела? Современной статистики по этому вопросу найти не удалось. Но в свое время ВАС РФ подсчитал, что одно очное

¹ <http://transcript.duma.gov.ru>

² Официальный представитель ВС РФ разъяснил, как изменятся судебные пошлины // <https://vsrf.ru>.

³ Там же.

⁴ Лепеляев С.Г. *Налоги: реформы и практика*. М.: Статут, 2005. С. 25–26.

заседание суда обходится бюджету в 15 тыс. руб.¹ Даже если принять во внимание, что с 2014 г. затраты федерального бюджета на содержание судебной системы увеличились в два раза и стоимость судебного заседания симметрично выросла, то за 10 млн руб. сейчас можно провести 333 заседания! Не знаю ни одного дела, отличающегося такими проволочками.

Если же мой расчет неверен и эти затраты действительно столь значительны, что равны или выше 10 млн руб., то почему суды при компенсации судебных расходов стороне, выигравшей спор, назначают мизерные суммы, упорно не хотят признавать, что затраты участников спора и их представителей тоже велики?

При любом ответе на вопрос о затратах на само судопроизводство требовать их покрытия сторонами дела через уплату пошлины совершенно неправильно. Что касается значительных материальных споров, то уплачиваемые суммы пошлины в любом случае не могут превышать реальных затрат на судопроизводство. КС РФ, отмечая компенсационность патентных пошлин, характеризующую их с количественной стороны, указывал, что размеры «должны определяться исходя из затрат публичной власти по осуществлению правовой охраны объектов промышленной собственности»².

* * *

В статье И. Бентам предстает как страстный полемист. Его язык образный и афористичный, а суждения порой кажутся парадоксальными. Те мнения, которые мы сегодня принимаем почти с религиозной верой (например, о назначении судебных пошлин бороться с сутяжничеством), классик правовой мысли доказательно опровергает, оставляя читателя в состоянии легкого шока. Его острые определения вещей и явлений порой безжалостны, но точны и коротки. Как бы ярко звучали цитаты из Бентама в выступлениях тех депутатов, кто в Думе смело высказался против увеличения судебных пошлин!

ПРОТЕСТ ПРОТИВ СУДЕБНЫХ ПОШЛИН (О ВЕЛИКОЙ ПАГУБНОСТИ ФИСКАЛЬНЫХ СБОРОВ, ОГРАНИЧИВАЮЩИХ ДОСТУП К ПРАВОСУДИЮ)

Судебные пошлины формируют во многих странах, в том числе Великобритании и Ирландии, часть доходов государства. Поводом написать эту статью стало предложение увеличить эти сборы.

Известно парламентское изречение, что тот, кто осуждает налог, должен предложить лучший (*he who reprobates a tax ought to have a better in his hand*). Но никог-

¹ Подход региональных судов начал корректироваться в лучшую сторону // <https://fparf.ru>.

² Пункт 4 определения КС РФ от 10 декабря 2002 г. № 283-О.

да еще это правило не приводило к тому, что налогообложение становилось более справедливым. Я же, отвергая судебные пошлины, намерен эту парламентскую заповедь выполнить в полной мере: мой лучший налог – это любой другой, который только можно назвать.

Население, с позиции платежеспособности, может быть разделено на две группы: те, кто в каждом случае имеет возможность заплатить судебную пошлину, и те, кто такой возможности не имеет. Для первых этот фискальный платеж тяжелее любых других, а для вторых – и вовсе крайне жесток.

Налоги на потребление не должны взиматься, если нет какого-либо источника для их уплаты. Великий недостаток подушных налогов и налогов на непродушительное имущество состоит в том, что они налагаются и на тех, кто не в состоянии их внести. Судебные пошлины возлагаются на человека ровно в тот момент, когда наиболее вероятно, что он не обладает нужными ресурсами. Когда человек истребует незаконно выбывшее из его владения имущество в суде, именно тогда его призывают к дополнительным платежам. Когда спина невинного измождена и изранена игом угнетателя, именно в этот момент те, кто призван защитить справедливость, нагружают взыскателя дополнительной ношей. Большинство налогов – как и должно быть – взимаются с признаков благополучия (дохода, богатства); характерная особенность данного платежа в том, что он является налогом на бедственное положение.

Налог на хлеб вряд ли может считаться хорошим налогом на потребление, поскольку хлеб – насущная жизненная необходимость. Однако даже налог на хлеб не столь плох, как судебные пошлины. Из-за обложения хлеба человек может не получить столько продукта, сколько хочет, но он всегда получит хоть немного хлеба. По мере того как он будет платить все больше и больше налога, он будет получать все больше и больше хлеба.

В случае налога на правосудие эффект может быть обратным: не получив справедливости из-за отсутствия денег на судебную пошлину, человек может потерять весь свой хлеб, все то, что он, обращаясь в суд, рассчитывал сохранить для пропитания себя и своей семьи. Если бы налог в три пенса был наложен на каждую булку стоимостью три пенса, то человек, у которого было всего три монеты, больше не смог бы купить эту булку, однако услужливый пекарь мог бы отрезать ему половину. Налог на правосудие не допускает такой экономии. Самый услужливый судейский клерк не мог бы отрезать человеку половину судебного решения. Половина справедливости, когда она доступна, лучше, чем отсутствие справедливости, но без оплаты документа в целом невозможно получить ни грамма справедливости.

Налог на потребление – это налог на тот или иной товар из числа необходимых вещей; налог на правосудие – это налог на все необходимые вещи вместе взятые. Налог на необходимый для жизни продукт может лишь уменьшить потребление человеком этого продукта, налог на правосудие может лишить человека всех необходимых ему вещей, и частично, и полностью.

Самое худшее в том, что это не только дополнительное обременение, которое приходит вместе с бедственным положением, но и затраты, к которым невозможно подготовиться. Все остальные налоги прогнозируемы, ко времени их уплаты можно скопить необходимые суммы. В случае судебных пошлин необходимость уплаты возникает неожиданно, человек оказывается материально не способным к нему.

Если бы вдруг где-то задумали ввести сбор, который требуется уплатить в случае утраты мужа или отца, на труды которого полагалась семья, то его можно было бы сравнить с налогом на тех, кто пострадал от пожара или наводнения. Излишняя жестокость таких фискальных обременений очевидна. Но налог на правосудие безжалостнее любого из этих платежей. Против всех этих несчастий можно подготовиться, застраховав риски. Если бы к прочим несчастьям добавили налог, то, заплатив немного больше, вы могли бы застраховать себя и от налога. Но против несчастья быть призванным к судебному разбирательству или защищать себя от иска не существует и не может существовать никакой страховки.

Если в отношении тех, кто имеет возможность судебные пошлины оплачивать, они весьма тягостны, то для неимущих они не что иное, как полный отказ в правосудии.

Правосудие – это безопасность, которую закон предоставляет нам или, по крайней мере, заявляет, что предоставляет, для всего, что мы ценим или должны ценить: для собственности, для свободы, для чести и для жизни. Это та ценность, которая стоит всех остальных вместе взятых, потому что включает в себя все остальные. Отказ в правосудии – это квинтэссенция ущерба, сумма и существо всех видов вреда. Это не только грабеж, не только порабощение, не только оскорбление, не только убийство – это и грабеж, и рабство, и оскорбление, и убийство, все в одном.

Государственный деятель, который способствует тому, чтобы правосудие было недоступно, финансист, который продвигает налог на правосудие, является соучастником каждого преступления: всякий злодей может называть его братом, любой преступник может похвалиться им как сообщником. Это утверждение, если речь идет не о прямых намерениях политиков, а о невольных последствиях их фискальных решений, – неоспоримая и очевидная истина.

Объявление человека вне закона может быть правомерным инструментом воздействия на тех, кто скрывается от правосудия. Оно может быть способом наказания наиболее отвратительных злодеев. Но эту же злую кару финансист с полной безрассудностью, но с безошибочной точностью сваливает на голову ни в чем не повинную. Помимо объявления человека вне закона как альтернативного наказания в случае, когда ординарные меры применить невозможно, существуют правонарушения, за которые прямо и в первую очередь предусмотрено лишение правовой защиты. Но такая же участь ждет безвинно пострадавшего, ни в чем не обвиненного и не осужденного, если он беден и не имеет средств для

оплаты судебных пошлин. Осужденный преступник имеет хотя бы надежду на помилование. А бедный лишен правосудия пожизненно.

Какой контраст! Какая непоследовательность! Судьи и законодатели всерьез обсуждают в суде или парламенте, следует ли применить это тяжелое наказание к конкретному обвиняемому, не стоит ли ограничить круг лиц, подлежащих такому суровому взысканию. И тут же законодатель лишь для того, чтобы раздобыть немного денег, которые он мог бы получить из любого другого источника, без всякого сомнения и раскаяния обрекает на ту же участь тысячи или даже миллионы безвинно пострадавших граждан.

Обратите внимание, что из всех категорий людей именно бедные (и тем жестче, чем глубже их бедность) безжалостно лишаются защиты закона, право на которую имеют от рождения. Это право универсально, оно самое драгоценное (*inestimable jewel*) из всех неотъемлемых прав человека. Кроме как от закона, иной помощи беднякам ждать неоткуда.

Богатые, даже если их урезали в правовой защите, имеют иные возможности для снижения ущерба. Им в помощь естественное влияние благополучия, общественного положения, сила деловых и политических связей, преимущества образования и интеллекта, которые идут рука об руку с богатством. У бедного есть лишь одна крепость – защита закона, и из этого укрепления финансист, нимало не задумываясь, выгоняет его, мешая с толпой злодеев.

Бедные из-за типичных для них невежества и узости мышления, неразрывно связанных с бедностью, как правило, лишены возможности (вероятно, к их же счастью) пользоваться благами политической власти; но разве недостаточно этих неизбежных неравенств и без того, чтобы усугублять ситуацию ненужной несправедливостью?

Таково положение тех, у кого правосудие – сгусток всех прав – отнимает одной рукой то, что другой в то же время предлагает. Какова доля этих лиц в общем числе подданных? Боюсь сказать – возможно, две трети, возможно, четыре пятых, возможно, девять десятых, но в любом случае это подавляющее большинство.

Можно выделить третью категорию лиц, чье положение в системе налогов на правосудие еще более жалкое, чем у любой из двух других. Я имею в виду тех, кто, имея средства для уплаты пошлин в начале судебного разбирательства, в ходе событий видят, как их средства поглощаются судебными сборами, а завершению разбирательства конца не видно. Два предыдущих варианта насилия, каждый из которых достаточно плох, таким образом, складываются и соединяются в третий.

В отношении этой группы лиц суд превращается в точно такое же место, как лавка пекаря, который, выставив свои хлеба на витрине в соблазнительном виде для привлечения клиентов, вместо того чтобы продать нужный им батон, сначала отбирает их деньги, а затем выгоняет за дверь. Если посмотреть на ситуацию непредвзято, то можно увидеть, что союз между правосудием и финанса-

ми в данном случае весьма близок к реальности, чтобы быть просто красивым вымыслом. У дверей дома, который выглядит более зловеще, чем любой другой, известный как «дом с дурной славой», судья в мантии предлагает проходим сыграть в наперстки; лорд-казначей со своими подручными ждет в укрытии, готовый, как только его жертвы расслабятся и деньги окажутся на столе, сбить их с ног и скрыться с добычей.

Каждый человек сам решает, будет ли он иметь дело с шулером. Только самые наивные и доверчивые люди могут быть обмануты с помощью простых приемов, но даже самые мудрые и стойкие могут столкнуться с обманом со стороны высокопоставленных официальных грабителей. Их игра более изощренная и потому надежная.

Даже если бы правила уплаты судебных сборов были как можно более доступными и легкими для понимания, невозможно заранее знать, будут ли у человека средства для их уплаты, поскольку невозможно знать, какие обстоятельства могут вмешаться, чтобы увеличить эти взимания. Если человек решит смириться с любым оскорблением, которое не может обжаловать в суде, и признает себя виновным по каждому обвинению, от которого не в состоянии защититься, то, даже заплатив эту цену, он не сможет избежать судебных пошлин, тяжесть которых будет усугублена отсутствием правосудия.

Если во всех проявлениях эта практика порочна, то в некоторых она особенно нелепа, абсурдна. В гражданских и других делах, где ущерб отдельным лицам вызывает их естественное желание преследовать обидчика, искусственные расходы бессердечны и вероломны. В большинстве уголовных дел прокуроры, не имея естественного личного интереса, побуждаются к действию различными искусственными стимулами, чтобы закон не остался мертвой буквой. Здесь бессердечие и вероломство приводят к серьезным ошибкам и непоследовательности в действиях.

Людей манят в суд одной рукой, а другой – прогоняют прочь. Однако, какой бы дорогостоящей ни была сила притяжения, обычно она уступает отторгающей силе. Награда маячит впереди, перспективы туманны и зависят от удачи. А вот неприятности, затраты и раздражение – гарантированы.

В пользу взимания судебных пошлин выдвигают два аргумента.

Первый заключается в том, что в случае с судами, как и во многих подобных ситуациях, бремя содержания государственного учреждения должно ложиться на тех, кто извлекает пользу из его деятельности. Сам принцип неоспорим, но к рассматриваемым отношениям он применяться не может.

Этот аргумент, если и был бы верен, означает, что общая сумма поступлений от судебных пошлин не должна превышать затраты на содержание судебной системы. «Ограничиваются ли сборы этими рамками?» – в любой стране, где судебные пошлины взимаются, никто, по всей вероятности, не утруждается поиском ответа на этот вопрос. В Англии сборы, безусловно, существенно пре-

вышают допустимые пределы и кажется, что к этому источнику средств бюджета прибегают время от времени с таким же малым сомнением, как и к расширению таможенных или акцизных сборов. Но оставим это.

Что касается самой идеи о наличии связи между извлекаемой в судах выгодой и финансовым бременем, то она была поддержана весьма уважаемыми людьми, чтобы от нее просто отмахнуться, но, кто бы ее ни высказывал, эта связь иллюзорна. Лица, на которых ложится все финансовое бремя, – это как раз те, кто имеет наименьшее удовольствие от так называемой судебной выгоды. Многие люди живут в безопасности постоянно на протяжении всей своей жизни и безо всяких оплат. Те же, кому так не повезло, вынуждены обращаться за ней в суд, добиваться ее ценой траты времени и хлопот, в дополнение к иным неизбежным потерям. В конце концов, что представляет наибольшую ценность, во что надо вкладываться: в собственность, подвергшуюся жестоким посягательствам, или же в сохранную собственность, свободную от каких-либо поползновений?

Так что, вместо того, чтобы заставлять человека, оказавшегося в бедственном положении, нести дополнительные расходы на доступ к суду, ему скорее должна назначаться государственная компенсация за приложенные усилия и потраченное время. Опасность искусственных споров и сговора с целью получения такой компенсации – это единственное убедительное возражение против ее предоставления.

С этой точки зрения судебный процесс можно сравнить с войной, но которая ведется в спокойном и безопасном ключе, так же, как и войну шуточно сравнивают с судебными разбирательствами. Истец – наша единственная опора и надежда в этой войне с нарушителями закона. Возложить на истца расходы по отправлению правосудия, помимо хлопот и рисков, связанных с подачей иска, все равно, что в случае вторжения врага заставить жителей пограничной зоны не только служить безвозмездно, но и покрывать все расходы на войну из своих собственных средств.

То, что в наше время стало укorenившейся практикой, Святой Павел клеймит как не имеющее прецедента беззаконие. «Какой воин, – вопрошает Апостол, – когда-либо служит на своем иждивении?» – «Увы, – восклицает бедный истец, – я служу».

Другой аргумент в пользу судебных сборов заключается в том, что они якобы являются сдерживающим фактором для судебных разбирательств.

Понятие «судебное разбирательство» имеет два значения. В нейтральном варианте оно выражает безупречную реализацию права на судебную защиту, в негативном смысле – это вид неправомерного поведения – злоупотребление под прикрытием применения своего права.

При первом варианте поведения судебные сборы ни при каких условиях не могут вводиться для того, чтобы воспрепятствовать обращениям в суд, поскольку намерение ограничить судебные разбирательства здесь было бы равносильно отрицанию самого права на правосудие.

Негативных сценариев может быть два: когда иск, независимо от значения спорного вопроса для истца, является безосновательным (*groundless suits*) и когда иск, хотя и обоснованный юридически, из-за малозначительности предмета считается несущественным, мелочным, тривиальным (*trivial suits*). В любом из этих случаев оценка допустима в отношении как истца, так и ответчика, хотя чаще всего внимание фокусируется на истце как на стороне, сделавшей первый шаг, авторе иска.

Любая из спорящих сторон может вполне осознавать или не осознавать вовсе неправомерность своего поведения (*in genere malitia*), а конкретнее – безосновательность требований или возражений против них (*mala fides*), отсутствие правовой позиции.

Когда доводы стороны недостаточно обоснованы, но она не осознает этого, судебные пошлины, надо признать, в самом деле действуют как сдерживающий фактор для обращения в суд. Однако это распространяется как на безосновательные, так и на обоснованные споры в равной степени. Действительно, поскольку противоборствующие стороны не могут быть одновременно правыми с точки зрения закона, хотя каждая из них может считать себя таковой, препятствие возбуждению дела не должно вести к отказу в правосудии вкупе с предотвращением безосновательных разбирательств. Препятствуя тому, кто прав, в подаче иска, вы освобождаете от необходимости защищаться и того, кто не прав. Выходит, что и здесь следствием воспрепятствования ходу дела выступает все то же отказ в правосудии, только наблюдаемый с изнанки.

Но, может быть, у судебных пошлин есть хотя бы какая-то особая возможность препятствовать возбуждению тех споров, которые не только безосновательны, но и сопровождается осознанием этого, т.е. спорам злонамеренным или, как это было бы более уместно назвать, недобросовестным?

Напротив, их прямая направленность и несомненный эффект – это поощрение такого поведения.

Они способствуют недобросовестным истцам: если бы судебные разбирательства не влекли за собой никаких расходов или других неудобств до завершения рассмотрения дела, истец, не имеющий надежных правовых доводов, не смог бы причинить вреда ответчику, подав на него в суд, поскольку никаких причин подчиниться безосновательному требованию не существует, злонамеренность не имеет инструмента принуждения. Когда же судебные разбирательства связаны с расходами, то чем выше эти расходы, тем больше вреда может причинить человек, не имеющий правовых аргументов. Острое оружие попадает в руки злонамеренности и становится эффективным инструментом принуждения.

Они способствуют и недобросовестным ответчикам: если бы судебные разбирательства не влекли за собой никаких расходов, ответчик, понимающий, что у него нет правовых аргументов, и осознающий справедливость требований к нему, был бы лишен того, что во многих случаях является его лучшим шансом

избежать правосудия, а в других – абсолютной гарантией этого. Он потерял бы самый сильный стимул возражать против правды. Ответчик, который не намерен поступать по справедливости, если его не заставят, и который знает, что истец не может принудить его к этому без предварительной уплаты определенной суммы, рассчитывает на то, что его противник не сможет собрать необходимую сумму. Он будет возражать против требований к нему до тех пор, пока не начнется судебное разбирательство, и затем и продолжит судебную волокиту.

Независимо от того, уплачиваются ли пошлины для возбуждения дела или в ходе самого дела, они в наибольшей степени благоприятствуют той стороне, которая действует недобросовестно. Если они взимаются в предварительном порядке, то наибольшее бремя ложится на истца или того, кто бы мог стать истцом, будь ему позволено. При этом в той же степени они благоволят ответчику или тому, кто так им и не стал, поскольку пострадавшая сторона не смогла добиться суда. Но именно со стороны ответчика недобросовестная практика наиболее вероятна.

Если не оглядываться на неприятные особенности реального судопроизводства, то по большому счету надо признать, что у лица нет никаких серьезных мотивов обращаться с обычным денежным требованием без уверенности в своей правоте. В противном случае его перспективы – потеря времени, бесполезные хлопоты и весомые расходы.

В противоположность этому человек, которому предъявлено требование, даже если он виновен, может найти достаточно причин и оснований для того, чтобы противостоять иску. Он может питать надежду на недостаток доказательств у истца, замыслить подделку своих доказательств, рассчитывать измотать истца или воспользоваться случайными обстоятельствами, такими как смерть свидетелей или сторон. Слабость людских характеров в первую очередь настраивает на нежелание согласиться с предъявленными требованиями.

Одним словом, судебные пошлины дают частичное преимущество недобросовестности, на какой бы стороне она ни находилась, и это преимущество в наибольшей степени на стороне ответчика, где сознание вины наиболее вероятно. Как гласит общепризнанная юридическая максима, лучше, чтобы десять преступников избежали наказания, чем один невинный пострадал. Это утверждение распространяется даже и на случаи самой глубокой вины. Некоторые вместо десяти называют сто или даже тысячу. Но независимо от числа, практика, вследствие которой десять невинных страдают за каждые десять виновных, не может быть признана желательным элементом системы. Так что же мы скажем об учреждении, которое из-за одного виновного, которого оно заставляет страдать, вовлекает в такие же страдания, возможно, десять невинных?

О безосновательных исках сказано достаточно. Теперь обсудим довод о том, что судебные пошлины призваны сдерживать так называемые незначительные иски (*trivial suits*).

Мне многое известно о бесосновательных исках, но я не знаю ничего такого, что можно назвать легкомысленным иском (*frivolous suit*).

Ни одно известное мне зло не может быть незначительным. А для того, кому оно причинено, оно кажется настолько серьезным, что он требует справедливости и возмездия.

Поведение – это проявление чувств. Я не уверен, что у меня есть право выдвигать свои собственные эмоции как стандарт для оценки переживаний моего соседа, сомневаться в истинности его восприятия событий, острога которого подтверждается его собственным поведением. То, что для одного незначительно, для другого может быть очень важно.

При оценке ущерба необходимо учитывать не только прямые потери, но и иные последствия. Несправедливость, проявленная однажды, будучи оставленной без внимания, может стать началом цепи нежелательных событий и служить дурным примером для других. Я не могу представить себе такого проступка, который, если его многократно повторить, не стал бы невыносимым. Позвольте мне причинять человеку только лишь наименьшую неприятность из всех возможных несчастий – большего и не требуется, – и этот человек в итоге станет моим рабом. Позвольте мне обирать его, пусть даже на фартинг¹, но фартинг за фартингом – и я найду дно его кошелька. Позвольте мне только пролить каплю воды на его голову, и – капля камень точит – удар по голове был бы менее сокрушительным.

В имущественных спорах чем меньше истребуемая сумма, тем сильнее желание заклеить истца позором. Но значимость суммы требования полностью определяется личными обстоятельствами сторон, ее размер в фунтах, шиллингах и пенсах ничего не демонстрирует. Доход одного человека может быть в сто, тысячу, четыре тысячи раз больше, чем богатство другого. [...] Не особо задумываясь, законодатель или судья, как и любой другой человек, оценит сумму спора в контексте собственных ощущений, исходя из личных обстоятельств, что естественно. Но этот подход обманчив, поскольку жизненная ситуация у всех разная.

[...]

Законодатель, который под предлогом сдерживания судебного активизма или по любому другому предлогу требует от неимущего человека в качестве предварительного условия подачи иска уплаты непосильной ему суммы, фактически отказывает ему в слушании дела, отказывает в правосудии настолько неприкрыто и окончательно, как это только возможно. Если еще можно рассуждать о том, должны ли все люди иметь равные политические права (что пагубно и практически невыполнимо), то в отношении равного доступа к правосудию дискуссии недопустимы.

Незначительность предмета спора не требует изобретения искусственных препон. Даже если бы любые судебные сборы были исключены, существует великое множество иных неизбежных, весьма досадных неудобств: боль разочаро-

¹ Фартинг – очень мелкая монета достоинством в четверть пенни.

вания, накладные расходы, существенная потеря времени, отвлечение от основного занятия.

Но и в том случае, когда мизерность повода для обращения в суд заслуживает порицания, вина лежит не только на зачинщике спора, несущем бремя платежа, но и на противной стороне, давшей повод для ссоры. Поскольку существует хотя бы самая малая толика ущерба, истребующая сторона не может быть совсем неправой, когда ищет справедливости. Тот же, кто отказывается покрыть этот пустяковый ущерб, еще более неправ. Если требование к нему справедливо, почему он не удовлетворил его, почему он его оспаривает? В этом случае вы не можете наказать одну сторону, не вознаграждая при этом другую. Если судебная пошлина удерживает от спора того, на ком незначительная вина в возбуждении спора, то она же предоставляет защиту и поощрение тому, на ком лежит еще большая вина.

Еще одна несправедливость состоит в том, что чем беднее человек, тем больше он подвержен угнетающему воздействию судебных пошлин, направленных против «сутяжничества». Но чем беднее человек, тем менее он склонен к судебным тяжбам. Чем меньше у человека свободного времени, которое он может тратить непроизводительно (не говоря уже о деньгах), тем менее он расположен тратить силы и средства на споры в суде.

Состоятельный человек, у которого есть и свободное время, и лишние деньги, скорее может позволить себе тратить их на бессмысленные тяжбы ради мелочей и пустяков. Однако неудивительно, если при поверхностном взгляде бедные кажутся более склонными к судебным разбирательствам, чем богатые. Просто их больше, чем богатых, а проблемы бедных кажутся пустяковыми тем, кто не думает о деньгах.

Мы часто размышляем о бедных с точки зрения благотворительности, поскольку помощь нуждающимся позволяет нам и казаться добрыми, и гордиться собой. Но мы редко думаем о них с позиции справедливости. Однако справедливость является более важным качеством, чем милосердие. Если бы к людям всегда относились справедливо, они бы в меньшей степени нуждались в милосердии.

Самое возмутительное, когда говорят: «Незначительные иски обременительны: посмотрите, как непропорционально велики расходы на судебное разбирательство к стоимости предмета спора, особенно, если он исчисляется в деньгах». Но чем вызвана эта дороговизна? По крайней мере в части пошлин виноват сам законодатель: он является автором несправедливости, и он же наказывает за нее невинно пострадавших.

Исключить бедных из правосудия было недостаточно: им также нужно отказать в милосердии. Сорок шиллингов – это налог, взимаемый при помиловании, по статуту короля Вильгельма¹, дополнительные сорок шиллингов – по друго-

¹ Речь идет о короле Вильгельме III (1689–1702), который в 1689 г. повысил налоги для финансирования войны с Францией.

му статуту, принятому вслед за первым до истечения пяти лет. Общий размер налога – 4 фунта¹. Но это полугодовой доход абсолютного большинства британских подданных! То, что называется милосердием, следует помнить, в глазах многих – не более чем проявление справедливости. Это верно, когда основанием для помилования является уверенность в невиновности, которая очевидна вопреки вердикту либо подтверждена вновь выявленными доказательствами. Однако же любые наказания не могут быть отменены для того, у кого нет в запасе суммы, равной полугодовому доходу. Даже штрафы, равные этой сумме или меньшие, ни в коем случае не подлежат сложению.

Судебные пошлины, таким образом, далеки от того, чтобы быть сдерживающим фактором для судебных разбирательств, наоборот, они являются стимулом к ним. Они вредны и заслуживают осуждения. Хотите действительно сдержать рост числа судебных разбирательства, воздействуя на обе спорящие стороны? Простой метод будет надежным.

Когда люди стремятся предотвратить нарушения в определенной сфере, они устанавливают наказания за конкретные проступки. Осознание, что определенное поведение неправомерно и находится в поле зрения суда, рассматривающего спор, является самым действенным правовым способом борьбы с нежелательными явлениями. Относитесь к проступкам, которые выявляются при рассмотрении спора в суде, так же серьезно, как и к другим нарушениям закона в целом. Это поможет вам добиться большего успеха.

Всегда необходимо отделять неправомерное поведение от законопослушного. Все негативные последствия должны преследовать только правонарушителя и не затрагивать того, кто действует в своем праве. Отложите наказание, пока вина не будет установлена. Отложите расходы, насколько это возможно, до последней стадии судебной процедуры. Освободите обе стороны от любых судебных расходов, которые не являются абсолютно неизбежными, если судебный процесс начат и ведется без каких-либо злоупотреблений с обеих сторон. На последней стадии разбирательства, если будет выявлена виновная сторона, возложите на нее все необходимые расходы. Если же вина была обоюдной, то, исходя из обстоятельств, можно применить наказание к обоим сторонам, например, в виде штрафа в пользу государства.

Судебный процесс, даже если в итоге выяснится, что он начат безосновательно, не заслуживает порицания. Нельзя осуждать деяния только за то, что они не принесли желаемого результата, а только негативные последствия. Осуждать можно только тот поступок, который совершен по безрассудству или злому умыслу. Закон можно назвать справедливым в отношении обеих сторон спора, если он учитывает эти важные обстоятельства.

¹ Старая британская денежная система, которая просуществовала до 1971 г., строилась так: 12 пенсов = 1 шиллинг, а 20 шиллингов = 1 фунт, так что в статье все правильно: 40 шиллингов + 40 шиллингов составляют 4 фунта.

Но что мы видим в действительности: пошлины начисляются на всех этапах, от первого до последнего, без исключения. Все затраты учитываются, и нет никакой золотой середины. Расходы ничем не ограничены и могут исчерпать все ресурсы стороны. Нет возможности их снизить или повысить с учетом имущественного положения участников спора.

Нет таких особенностей взимания пошлин, которые соответствовали бы степени вины. Они налагаются без учета того, проявил ли участник спора безрассудство, действовал ли с полным осознанием неправомерности своего поведения или же поступал обоснованно.

Право принимать решения, связанные с распределением издержек, обычно не является дискреционным. Это означает, что судья не может самостоятельно решать, кто будет нести дополнительные расходы. Кроме того, суд не может назначать штрафы сверх суммы издержек, а значит, не имеет права наказывать обе стороны, если обе были виновны. Если бы закон предоставил суду право штрафовать истца, признанного виновным в безосновательном начале судебного разбирательства, на сумму, которую обычно платит проигравшая сторона, это могло бы быть воспринято как слишком большая власть для судей, действующих без присяжных.

Ни одному человеку не будет отказано в правосудии, никому правосудие не будет продано (*justice shall be denied to no man, justice shall be sold to no man*), устанавливает первый из статутов – Великая хартия вольностей. Соблюдается ли это право по прошествии долгого времени? Как мы видим, в правосудии отказано девяти людям из десятка, остальной части оно продано по непомерной цене.

В старину юристы придерживались концепции что закон, противоречащий Великой хартии вольностей, даже если он был принят с соблюдением всех формальностей, будет считаться недействительным. Мне трудно допустить, что эта экстравагантная идея сейчас имеет право на существование. Для ответчика такие доводы были бы подстрекательством к мятежу, для судьи – узурпацией, а для всех остальных – бессмыслицей. Но все-таки надо признать, как это ни прискорбно, что из всего документа, который и сейчас считается основой свободы и превозносится с пиететом, иногда излишним, тот самый важный фрагмент, который единственный имеет некоторое практическое применение в наши дни, так часто игнорируется без каких-либо сомнений и оговорок.

Налог, настолько неразумный и тяжелый, – налог, который оказался худшим из всех налогов, – почему выбор пал на него? Этот вопрос не из любопытства. Когда никто громко не высказывается против налога, молчание создает иллюзию, что все кругом согласны с ним. Но эта презумпция опровергается, как только появляются доводы против.

Как же этот налог был одобрен?

Одну из причин мы уже определили – это заблуждение в том, что судебные пошлины якобы способствует снижению нагрузки на суды. Однако, если даже

допустить, что обращения за судебной защитой могут считаться негативным явлением, именно этот вид фискальных платежей активно способствует росту их числа.

Другой причиной является путаница, из-за которой неискушенные в налогообложении люди отождествляют этот платеж с категорией налогов, показавших высокую эффективность.

Речь о налогах на потребление – наилучших из всех налогов (ну, почти идеальных). Они не взимаются, если у человека нет возможности их платить. Даже в тех случаях, когда такие налоги введены в отношении предметов первой необходимости, при нежелании их уплачивать это можно сделать.

Налоги на имущество и налоги на передачу имущества, такие как налоги на сделки с недвижимостью, – вторые по предпочтению. Их сложнее избежать в отличие от первой группы, но возможно устроить владение и транзакции так, чтобы связать обязанность уплаты налога с наличием средств для этого.

Второй из этих двух наиболее приемлемых классов налогов, взимается посредством продажи специальных марок. Налоги на потребление тоже во многих случаях (налоги на карты, кости, перчатки и парфюмерию) введены в форме гербовых сборов. Но все они очень хорошие налоги. Гербовые сборы, следовательно, хорошие налоги. Налоги на правосудие по форме взимания те же гербовые сборы. Следовательно, и они хорошие.

Мыслящие люди обращают внимание на последствия, в том числе на чувства пострадавших людей. Для тех, кто действует, не погружаясь в раздумья, важна внешняя сторона – фискальная марка. С позиции техники фискального взимания налоги на правосудие, на собственность, на потребление совершенно одинаковы.

Гербовые сборы имеют еще одно важное преимущество: они обеспечивают соблюдение законов при взимании высоких налогов, позволяют предотвратить уклонения. Конечно, они создают определенные неудобства, но с ними приходится мириться как с неизбежностью.

Причина этих рассуждений кроется в молчаливой согласии с взиманием судебных пошлин. Слишком много ожидать от человека, работающего в финансовой сфере, чтобы он учитывал чувства незнакомых ему людей. Маловероятно, что вообще будет слушать их возражения.

Налоги на потребление давят на целые группы людей: даже самая малочисленная, будучи уязвленной, способна прокричать на всю страну. Но нет сообщества плательщиков судебных пошлин: угнетенные и разоренные налогами на правосудие люди одиноко плачут по углам, как гибнущие крысы; ни один голос не находит другого, чтобы слиться в хоре.

Налоги на торговлю, на табак взимаются на постоянной прогнозируемой основе. Каждый плательщик может учитывать, когда и сколько будет должен заплатить. Налог же на правосудие сваливается на человека неожиданно: он как удар

молнии, которого человек никогда не ждет, пока та его не настигнет и не уничтожит. Он не знает, когда ему придется заплатить и в каком размере. Даже если перспектива уплаты обозначилась, то конечная цифра по-прежнему остается скрытой.

Непредвидимые беды и обдумать невозможно, и вообще о них лучше не думать вовсе. Когда время для жалоб? До того, как обрушился удар молнии, было бы слишком рано; когда же он случился – уже слишком поздно. Торговцы, табачники, продавцы перчаток – это сплоченные группы, они могут нанять адвоката, они приходят силой в Палату общин. Ищущие правосудия не имеют такого общего дела и едва ли имеют общее имя – они все и никто. Их дело, будучи общим, – ничье дело. Кто такие истцы? Где они? Зачем канцлеру казначейства заботиться о них? Что они могут сделать, чтобы помочь ему? Чем они могут ему навредить? У них нет причин действовать сообща, они заинтересованы только в том, чтобы был наказан их оппонент, который также является жертвой системы, и ради этого они становятся «друзьями системы», которая их же угнетает.

Не могли ли искаженный взгляд на причину проблемы и неправильное представление о ее истинных масштабах способствовать тому, что люди соглашались терпеть налоги на правосудие? Не в силах проникнуть сквозь маскировочную завесу, скрывающую от простых глаз судебскую кухню, люди не представляют, какие трудности являются объективными, а какие искусственно созданы. Подобно тому, как потребители табака не видят, какую часть цены товара составляет налог на него, так и те, кто хочет что-то взвесить на весах правосудия, не различают искусственные и естественные расходы на их содержание. Отсюда общий подход: если болезнь в целом естественна, то она может быть неизбежной и неизлечимой, и, во всяком случае, юристы или законодатели виноваты в ней не больше, чем врачи в подагре и почечных камнях. Счастливое заблуждение! Но неведение причин недуга не притупляет его боль!

Не нужно красноречивых ораторов и прочих пустозвонов для того, чтобы убедить нас, что в судебной сфере, как и в других, все идет своим чередом, как и должно быть. Расходы, проволочки и другие сложности, которые возникают в результате деятельности или ошибок, – это, по мнению Монтескье, цена, которую мы должны платить за свободу и справедливость. Пенни – это цена, которую люди обычно платят за буханку хлеба. Так почему бы им не платить два пенни? А даже если и три, то ничего плохого не случится из-за того, что буханка будет стоить немного больше.

Не могло ли некое инстинктивное чувство общности богатых людей внести свой вклад если не в навязывание, то по крайней мере в молчаливое согласие с налогом на правосудие? Именно богатые, обладая имущественными возможностями, социальным положением, образованием, умом или влиянием в обществе, имеют возможность направлять развитие законодательства. Характерная особенность этого налога заключается в том, что он благоприятен для богатых,

поскольку пропорционален их богатству. Другие налоги не компенсируют человеку ту часть богатства, которую они у него забирают, этот же налог в обмен на платеж дает власть. Власть подавлять тех, кого ему нужно подавить, власть делать зло или проявить благородство и воздерживаться от зла, гордясь этим поступком. Такие преимущества слишком ценны, чтобы люди, потакавая своим слабостям, не стремились их заполучить.

Однако же в стране политической свободы и при системе правосудия, которая в других отношениях беспристрастна, указанные преимущества можно заполучить только витиеватыми способами и обходными путями, неудобства путешествия по которым терпимы теми, кто хорошо к этому подготовлен.

Могут возразить, что отмена налогов на правосудие не решит проблему, поскольку, даже если бы они все были отменены, правосудие все равно останется недоступным для простого народа. Но это было бы оправданием одного злоупотребления другим. Другие препятствия на подступах к правосудию составляют отдельную категорию злоупотреблений, которые остаются за рамками этой моей работы. Если полностью убрать налоги на правосудие, число тех, кому правосудие останется недоступным, надо признать, будет все еще слишком велико. Однако оно не будет столь велико, как в настоящее время под давлением этих налогов. Хотя вы не сможете точно сказать, скольким людям вы откроете двери правосудия, вы можете быть уверены, что откроете их для некоторых. Даже если налоговое бремя останется слишком тяжелым, оно, по крайней мере, станет более пропорциональным и более переносимым.

Если, убрав эти налоги, вы в среднем снизите судебные расходы с 25 фунтов до 20, вы можете открыть двери правосудия, предположим, одному из пяти людей, для которых они сейчас закрыты. Даже это будет небольшим достижением. Полная реформа системы – это дело времени и больших трудов. Здесь требуется редкое сочетание юридических знаний с гением. Для отмены налогов на правосудие нужны проницательность, откровенность, филантропия и стойкость. Но вместе с тем это дело несложное, оно не требует никаких сокровенных научных знаний и не занимает столько времени, которое необходимо для введения хотя бы одного какого-то нового налога.

Но какими бы ни были оправдания налогам такого рода, ничего нельзя сказать в пользу появления новых судебных платежей. Могут возразить, что люди приняли существующие порядки и привыкли к ним. В этом смысле у судебных пошлин есть преимущество перед любыми новыми сборами, которые могут появиться вместо них. Но даже этот аморальный довод, который ставит плохое и хорошее в один ряд, стирая все различия, кроме новизны, даже этот слабый довод не оправдывает малейшего роста этого худшего из зол.

В заключение: либо я сильно ошибаюсь, либо все же сумел обосновать, что судебные пошлины – налог на правосудие – наихудший из всех существующих или возможных налогов. В целом он – отрицание справедливости, налог на стра-

дания. Он взимается не с тех, кто имеет максимальную выгоду, а с тех, кто в упадке. Он – пособник каждого причинителя вреда, каждого преступника. С наибольшей силой он подавляет тех, на ком и так «воду возят», т.е. широкие слои простого населения. Вместо того чтобы удерживать от обращения в суд, он стимулирует сутяжничество. Он грубо нарушает Великую хартию вольностей – непререкаемую основу английской свободы.

Государственный муж, безразличный к вредным последствиям своих решений, лишь бы ему не мешали, может бесконечно увеличивать судебные пошлины. Тот же, кто считает своим долгом действовать во благо страны, воздержится от их повышения. Но тот, кто стремится искоренить зло, отменит их.

Закон рождается из всеобщего заблуждения (*general error makes law*) – гласит юридическая поговорка. По крайней мере заблуждением объясняется существование ошибочного закона. Но когда оно развеивается, исчезают резоны такой закон сохранять.